

**ПЕРЕДНИЙ
КРАЙ**
РАЗВЕДКА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

**Огненный
ТЫЛ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Огненный тыл / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Передний
край. Разведка Великой Отечественной).

ISBN 978-5-04-229775-5

Июль 1941 года. В результате успешной операции немцам удалось окружить под Смоленском две советские армии. Захвачена последняя переправа через Днепр. С каждым днем положение наших частей ставится все безнадежнее. Группа полковой разведки лейтенанта Глеба Шубина получает приказ найти дорогу, по которой наши штурмовые отряды смогли бы незаметно прорваться к занятой немцами переправе. Задача не из легких, но опытные разведчики уже научились побеждать опасного врага. Глубокой ночью они переходят линию фронта и начинают свою привычную игру со смертью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229775-5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мерно поскрипывал полевой телефон с фоническим вызовом — устройство в металлическом корпусе, с тканевыми лямками для переноски. Шнур трубки крепился к аппарату штепсельной вилкой. Недовольно морщился небритый обер-ефрейтор в кителе с расстегнутым воротом — качество связи оставляло желать лучшего. Треснул эфир, он отдернул руку, поковырялся пальцем в ухе, скорчив при этом такую мину, словно из трубки ему выстрелили в голову. Прошло соединение — он облегченно выдохнул.

— Дитер, это «третий», у нас все тихо. Дитер, слышишь меня? — Он несколько раз повторил последнюю фразу. Абонент отозвался. — Происшествий нет, следующий вызов через полчаса... Спасибо, Дитер, и вам удачи, в этой стране она нам точно не помешает, — обер-ефрейтор оскалил хорошо сохранившиеся зубы и пристроил трубку на рычаг. Перехватил взгляд сидящего напротив обер-гренадера, натянуто усмехнулся: — Все нормально, Курт, дозвонился.

— Ты словно из боя вышел, Леонард, — товарищ вытер носовым платком вспотевший лоб.

— В этой стране отвратительная связь, — пожаловался сослуживец, — невозможно понять почему. До Дитера два километра, а слышимость такая, будто он в Лейпциге.

— Ты еще вспомни, какие здесь дороги.

— Дороги? — удивился собеседник. — Разве в России есть дороги? Знаешь, дружище, если бы в России были дороги, мы бы уже давно пришли в Москву.

— И жара отвратительная, — посетовал из соседней воронки осанистый унтер-офицер Берг. — Разве можно существовать в такой жаре? Это не страна, а какая-то сатанинская баня.

Он сидел в воронке в гордом одиночестве, пристроив в качестве сиденья обломки снаряженного ящика. Карабин «маузер» покоился между коленями, унтер закатал рукава кителя с белой окантовкой на бортах и рукаве — отличительным знаком пехотных частей. В жару грубое армейское сукно носилось плохо. Пик зноя давно прошел — солнце три часа назад миновало полуденную отметку. Но все равно было жарко, душно, хотелось освежающего ветерка.

— И население в этой стране не очень гостеприимное, — развивал тему обер-гренадер. — Я даже молчу про так называемую армию — это сборище совершенно неподготовленных, плохо

одетых и слабо вооруженных людей. Порой они доставляют нам хлопоты. Мы их гоним, берем в плен сотнями тысяч, а они берутся непонятно откуда, нападают толпой, им совершенно плевать, что их сейчас убьют, а другой жизни не будет. Я ловлю себя на мысли, что совершенно не понимаю этих людей. Порой они непредсказуемы.

— Армия-то ладно, — засмеялся Леонард, — а вот жара, плохая связь, отсутствие дорог — это вещи серьезнее.

— Довольно болтать, — перебил унтер. — Внимательно следите за местностью и прекращайте курить. Остался час, надеюсь, нас вовремя сменят.

Извиваясь задом, унтер выполз на гребень воронки. Аванпост был вынесен за пределы позиций пехотного батальона. Расположение части отсюда не просматривалось. Телефонный провод убежал на запад по высокой траве, терялся в перелеске. Последний не отличался размерами, за ним находилась еще пара таких же, растительность сливалась, и создавалась иллюзия сплошного лесного массива.

Местность на востоке болотистая. С севера и юга открытое пространство сжимали лесистые низины, плотно заросшие подлеском и заваленные буреломом. По этим чащам не прошли бы ни люди, ни техника. Ширина открытого пространства — не больше двухсот метров. Зеленый

ковер покрывал равнину, белели россыпи клевера. Несколько воронок от шальных снарядов пейзаж почти не портили. Идиллия сохранялась, если не всматриваться. День был в разгаре. По небу плыли перистые облака и хищные птицы с внушительным размахом крыла.

Дозор состоял из пяти человек — невядалеке обустроились еще двое. Гренадер Курцман лежал в траве и осматривал окрестности в полевой бинокль. Рядовой Шнитке, скорчившись в ямке, грыз травинку. Слиплись потные волосы. Пилотку с окантовкой он сунул за ремень, каска валялась в траве. Снаряжение создавало неудобства, но снимать его солдатам вермахта во время боевых действий запрещалось. Они таскали на ремнях серьезную тяжесть — и это не всегда оправдывалось. Два патронташа, фляжка, котелок, скрученная плащ-палатка на допниках — специальных ремешках для крепления снаряжения. Саперная лопатка крепилась в специальном чехле совместно со штык-ножом — все это вносило дополнительные неудобства. Завершали экипировку фонарь, притороченный шнурком к погону, и бачок противогаса, переброшенный через плечо.

Унтер потянул носом. Терпкий запах луговых трав щекотал ноздри. В правом леске пернатые твари учинили переполох — прыгали с ветки на ветку, заголошнно кричали. Впрочем, гомон вскоре оборвался.

Рядовой Курцман улегся на бок, расширил сектор обзора. Теперь он оглядывал лесок, где шумели птицы. Ничего подозрительного наблюдатель не выявил, вернулся на исходную позицию. Унтер сполз в воронку, глянул на часы и стал моститься на обломках снарядного ящика.

— Вижу людей, — вдруг сказал Курцман.

Все насторожились, нахмурился унтер-офицер. Курт и Леонард в соседней воронке взяли за карабины, подались наверх. Со стороны далекой восточной опушки бежали четверо, махали руками, в которых что-то белело, — явно не оружие. Один из бегущих споткнулся, но быстро встал, засеменял, ускоряясь. Люди что-то кричали.

— Русские солдаты, — спокойно сообщил Курцман. — Их четверо, без оружия, бегут к нам. Малиновые петлицы — это русская пехота.

— В атаку идут? — пошутил Курт.

— Не думаю. Они без оружия, без ремней и головных уборов, — чувство юмора гренадеру Курцману было недоступно. — Разрешите открыть огонь, господин унтер-офицер?

— Не будем торопиться, пусть подойдут ближе.

— Это русские перебежчики, — констатировал Курт. — Они размахивают листовками, которые наша авиация сбрасывает им на головы. Посмотрите, какие трусы, господин унтер-офи-

цер — они же зеленые от страха, боятся, что мы по ним стрелять начнем.

— А ты бы не боялся? — ухмыльнулся Берг.

Перебежчики перешли на шаг, стали неуверенно переглядываться друг с другом. Теперь и без бинокля было видно, как они взволнованы: облизывают губы, утирают потные лица.

— Господа, не стреляйте! — крикнул рослый боец с искаженным пятнистым лицом. — Мы сдаемся!

— Нихт шизен, нихт шизен! — загорланил темноволосый молодой красноармеец. Он пытался улыбнуться, но выходила какая-то сатирическая гримаса. Познания в немецком языке у парня были явно однобокие.

Унтер привстал и с ехидной улыбкой начал делать приглашающие жесты. Поднялись и остальные. Вылезли из воронки Курт и Леонард, расставили ноги, подняли карабины. И вновь трусливый переполох в рядах неприятельского «войска».

— Не стреляйте, мы сдаемся! Вы сами написали, что эти листовки — пропуск для перехода к вам! — Они опять замахали мятыми бумажками.

— Тафай, тафай! — засмеялся немецкий солдат, хлопая себя по колену и подманивая перебежчиков. Те, неуверенно улыбаясь, подбирались бочком.

— Говоришь, непредсказуемы, Курт? — смеялся Леонард. — И что в них, скажи на милость,

непредсказуемого? Они теряют человеческий облик, согласись? Еще неделя таких боев — и вся их армия будет стоять перед нами с дрожащими коленками.

Военнослужащие вермахта, выражая презрительное превосходство, не смотрели по сторонам. Других людей в округе не было, только эти четверо, сбежавшие из своего расположения. Малиновые петлицы на воротниках, но сама униформа — скорее, комбинезоны, чем гимнастерки, — мешковатые, засаленные, потерявшие форму. Возможно, техники, обслуживающие автопарк, или представители ремонтных подразделений.

Перебежчики заискивающе улыбались, пощеничьи смотрели в глаза. Они стеснительно мялись, совали немцам листовки — те и впрямь считались пропуском в плен. Немецкие летчики тоннами сбрасывали эту низкосортную продукцию на советские позиции. Качеством работы зондерфюреры прифронтовых пропагандистских служб не утруждались. Богатством фантазии не отличалась. «Зачем? — искренне считали представители агитационного фронта. — Мы и так победим! Написано без ошибок, и ладно».

«Бойцы и командиры! Друзья! Решайтесь! Смерть за Сталина или жизнь в счастливой свободной России? Думайте о том: кто идет в атаку — идет навстречу смерти! Ты стал пушечным мясом, не жертвуй своей жизнью для других!

Единственное спасение — переход к нам! Твои товарищи уже научены горьким опытом!»

Выдумывались номера частей, подразделений, которые всем составом переходили на сторону великой Германии и теперь ощущали себя свободными и счастливыми людьми, сбросившими с себя ярмо большевизма!

Красноармейцы тянули вверх руки — словно соревновались, кто выше. Немцы, посмеиваясь, обшаривали перебежчиков. Ничего подозрительного обыск не выявил. Пехотинцы расслабились, стали отпускать остроты. Курцман пошутил про отбившихся от стада овецек...

Но в окружающем пространстве что-то неуловимо менялось. Унтер-офицер отметил движение краем глаза, но реакция запоздала. Метнулось что-то страшное, оскаленное, в бесформенной мешковине цвета лесной зелени! Острый нож вонзился в бок, продрал до кишок. Дыхание перехватило, свет померк. Обмякшее тело повалилось в траву.

Остальные задержались, но все закончилось очень быстро. Мелькали ножи, развевались лохмотья, сосредоточенно сопели люди.

Шнитке вскинул было карабин, но на него набросились сзади, перерезали глотку сияющим на солнце лезвием. Немец рухнул на колени, выронив свой «маузер», схватился за кровоточащую рану. Агонизировал Курцман — сучил ногами, держался за вспоротый живот. Глаза те-

ряли жизненный блеск, превращались в мутные стекляшки. Вздрагивал придушенный Леонард, давился рвотой, сипел: «Не надо, не надо...»

— Это, сволочь, самое малое, что я могу для тебя сделать... — выдохнул «леший», вонзая нож под ребра и проворачивая рукоятку.

— Фу, как кроваво, — поморщился молодой черноволосый «перебежчик». Эти четверо не принимали участия в схватке, стояли в стороне и молча наблюдали за происходящим. Свою задачу они выполнили. Удрученно покачивал головой рослый молодец.

Извивался в траве обер-гренадер Курт. Ранение в спину оказалось несмертельным — тело частично парализовало. До этого дня ему и в голову не приходило, что однажды он может умереть. И вот внезапно это случилось! Бедняга задыхался.

— Кто вы? Что вы хотите? — выдавил он в отчаянии.

— А на кого мы похожи? — Над умирающим склонилось измазанное грязью лицо. — Полковная разведка. Лейтенант Шубин Глеб Станиславович, мое прощальное почтение.

Обер-гренадер икнул одновременно с ударом. Глаза полезли из глазных впадин и застыли, остекленев. Голова покойника безвольно откинулась назад.

— Может, и нам стоило представиться? — задумчиво вымолвил коренастый, какой-то бес-

цветный разведчик с постным лицом. Он тщательно вытирал нож о суконный китель убитого.

— Тебе точно не надо, Иван, — усмехнулся черноволосый, — у тебя фамилия страшная. А этим ребятам и так не по себе.

— Фамилия как фамилия, — буркнул боец.

— Да нет, Иван, она у тебя действительно страшная, — оскалился молодой якут с широкой, как блин, физиономией. Он говорил по-русски без акцента. — Смотрите, товарищ лейтенант, как хорошо им тут было. Служба не в тягость, никакого начальства, знай, наслаждайся на природе. А тут пришли русские и все испортили.

— Ты русский? — удивился улыбчивый Паша Карякин.

— А какой же еще! — воскликнул Баттахов. — Ты посмотри на меня внимательно, дурья твоя башка! Я что, похож на папуаса?

— Ладно, хватит ржать! — перебил лейтенант Шубин, жилистый 27-летний мужчина с короткой стрижкой и лучистыми глазами. — Вы, перебежчики хреновы, живо за своим нарядом! Он там, в лесу! — лейтенант ткнул пальцем, обозначая направление. — Привести себя в порядок и ждать на опушке! Остальные — по воронкам и не высовываться!

Мертвые тела замаскировала трава. Немецкие позиции отсюда не просматривались. И то, что натворили разведчики 239-го стрелково-

го полка, пока еще не было известно противнику.

Разведчики в маскхалатах, напоминающих костюмы леших, рассредоточились по воронкам. Шубин высунул голову. «Перебежчики» чesали к южному лесу, где товарищи оставили их боевую форму. Рослый Николай Ершов высоко подбрасывал ноги. Неслись сломя голову черноволосый Влад Дубровский, сержант Климов, приземистый и коренастый ефрейтор Чусовой. Последний разогнался, обошел товарищей, протаранил стену шиповника.

— Телефонный провод перережем, товарищ лейтенант? Чего он тут вьется? Непорядок, — внес предложение Карякин. Он лежал рядом и задумчиво смотрел на темную змейку, вьющуюся по траве. Полевая телефония помалкивала.

— Отставить, красноармеец. Нам от этого провода ни жарко ни холодно. Лежи и наблюдай за обстановкой.

Обстановка не изменилась. В лесу распевали пернатые, жарило солнце. О войне (если не замечать мертвых фрицев) напоминали лишь звуки отдаленной канонады.

Остаться на этом участке было рискованно. Узкую равнину сжимали болотистые леса, передвигаться по ним было опасно. Проходимой оставалась лишь узкая полоса вдоль опушки, ею и воспользовались пятеро бойцов. «Действовать только ножами, никакой стрельбы, — заблаго-

временно предупредил Шубин, — скрытно подбираемся, пока наши шуты гороховые немчуру ублажают. Нападаем одновременно — их пятеро и нас пятеро...»

Теоретически немцев можно было не трогать, но тогда разведчики ползли бы черепахами, а противник не слепой. В тылу остаются пятеро, а впереди не пойми что. Хорошо, что толпой не вывалили из восточного леса, укрылись за деревьями, и Шубин в бинокль сумел выявить пост. Обычные вояки в полевой «мышьиной» форме, про искусство маскировки имеют лишь поверхностное представление. План возник спонтанно, сыроватый, но интересный: отвлечь внимание, пока подберется группа с ножами...

— Правильно сделали, что взяли немецкие листовки, — прошептал якут Айхан Баттахов. — Верно, товарищ лейтенант? Как чувствовали, что могут пригодиться.

— Верно-то верно, — из соседней воронки подал голос Смертин, — только рискованно. Нашему особисту товарищу Пшеннику бесполезно что-то объяснять. Нашел бы — и загремели бы мы в лучшем случае под трибунал, а в худшем — по законам военного времени — без суда и следствия...

— Так мы же для благого дела, — возмутился Баттахов.

— А это на том свете объяснять будешь, — фыркнул Паша Карякин, — архангелам, апо-

столам или кто там тебя встретит после расстрела.

Глеб промолчал. Пропаганда фашистской Германии трудилась не покладая рук. Качество работы подменялось количеством. Листовки, призывающие бойцов Красной Армии сдаваться в плен, сбрасывались с самолетов в невероятном количестве. Они валялись везде — в необитаемых лесах, в населенных пунктах, падали, как снег, на позиции обороняющихся войск. Пропагандисты обещали почтительное отношение в плену, скорую встречу с родными, достойную жизнь в избавленной от ига большевизма России. Хранить листовки запрещалось под страхом расстрела. Специальные команды собирали их и сжигали. Второго дня особисты отловили двух красноармейцев, сунувших в карманы эти листовки. Вступить за несчастных не посмел даже комроты. Шубин лично наблюдал, как их гнали к оврагу — растерянных и перепуганных. Они кричали, что не собирались в плен, а листовки взяли для самокруток — снабженцы ведь не привозят папиросную бумагу! Возможно, так и было, но кто же станет разбираться? Сослуживцы отворачивались, прятали глаза, а те истошно кричали, пытались достучаться до сотрудника Особого отдела, приводящего собственный приговор в исполнение. Что такое жалость, лейтенант госбезопасности просто не представлял. Крики оборвались, когда он начал бегло стрелять...

За спиной раздался шум, посыпалась земля. Шубин покосился через плечо. Михаил Канторович, путаясь в нашитых на комбинезон «струпьях», перебрался на другую сторону воронки, подтянул к себе труп немецкого солдата и начал обшаривать подсумок. Две гранаты он забрал, не раздумывая, скептически поглядел на штык-нож в чехле, поколебался, но все же решил не брать. Мертвец тарачился на него пустыми глазами, нисколько не смущая разведчика.

Канторович был расчетлив и хозяйственен, пройти мимо ценной вещи просто не мог. Примкнуть к компании «перебежчиков» Канторович отказался наотрез, и в этом имелся свой резон. «Вы в своем уме, мужики? — энергично крутил он пальцем у виска. — Немцы обхохочутся и сразу меня прибьют — моргнуть не успеете. За один только нос прибьют». Нос у грамотного и дисциплинированного бойца был действительно выдающийся.

С опушки энергично семафорил Чусовой. Бойцы приняли нужный образ. Шубин вострепнулся:

— Пошли. Рывком к лесу. Бежим так, словно у нас фитили в заднице дымятся!

— Ох, товарищ лейтенант, ну и метафоры у вас с гиперболами... — посетовал Канторович.

Пятеро в «отрепьях» одновременно выскочили из воронок и припустили к опушке. Полминуты вынужденной неизвестности — вломи-

лись в лес, рассредоточились между деревьями. Дальше простиралась заболоченная низина с обилием растительности, соваться в нее смысла не было.

— Все готовы? — выдохнул Глеб. — Вперед, вдоль опушки, из леса не выходим. Эту опасную зону надо миновать. Ершов, ты ничего не забыл?

— Ах да, — хлопнул себя по лбу долговязый Николай и нырнул за косогор. Выволок тяжелую радиостанцию, обтянутую брезентовым чехлом с лямками, стал взваливать ее под усмешки товарищей на свои широкие плечи.

— Раззява, — прокомментировал Глеб.

— Виноват, товарищ лейтенант... Сами попробуйте потаскать эту дуру. Я вам что, владимирский тяжеловоз?

— Так и есть, Коляша, — хлопнул товарища по плечу Дубровский, — ты отличаешься массивным телосложением и большой силой.

— Разговорчики, — проворчал Глеб. — Рацию несете по очереди. Дубровский — следующий. Все, мужики, пошли. Климов, Смертин — в передовой дозор!

Снова двигались краем низины, подолгу стояли за деревьями, ожидая от авангарда известий. Перебегали по одному, замирали, работали ушами. У большинства отсутствовал опыт бесшумного хождения по лесам. Где взять таких людей? Хрустел валежник под ногами, выстреливали ветки. Пашка Карякин, обливаясь потом, вился

вокруг Ершова, показывал, куда ступать, отгибал ветки — а тот пер как слон со своей ношей.

Пришлось уйти за косогор в низину, там скорость упала. Справа слышалась немецкая речь, смеялись военные, бренчали котелки и фляжки. Надрывно взвизгнула губная гармошка — «гармонист» закашлялся, те, кто находился с ним рядом, залились смехом.

— Развлекаются, сволочи... — проговорил Баттахов. — Ничего, скоро мы покажем им кузькину мать, еще встретятся с бешеным русским зверем.

Этот забавный паренек, которого за глаза величали «луноликим», сильно нервничал, когда его называли якутом. «Сахаляр я, — объяснял Айхан, делая страшные глаза, — папа якут, мама русская. И жил я не в юрте на стойбище, а в нормальном доме, лесником работал в заповеднике, комсомольские собрания посещал в коллективе и в соцсоревнованиях участвовал...»

Товарищи смеялись: а в коллективе кто? Волки с оленями? И что с того, что мама русская? Якутские гены подавили все. Как Баттахов угодил на войну из далекой Якутии — было делом темным. Якутские дивизии только еще формировались.

Было известно, что прибыл он в европейскую часть РСФСР к родственникам матери, а когда началось это безумие на границе, поспешил в военкомат. Тогда казалось, что война —